

Воспоминания Геннадия Порфирьевича Авдейко

КГГО

Я учился во МГРИ (Московском Геологоразведочном Институте), пожалуй, лучшем в конце 1950-х годов геологическом ВУЗе страны. Геологический факультет МГУ тогда только становился на ноги. Мы были романтиками, влюблёнными в свою будущую профессию. Многие из нас, особенно не москвичи хотели по окончании института работать подальше от Москвы, в Сибири или на Дальнем Востоке. Мы считали, что только там будет по-настоящему интересная работа.

Во время учебы я женился, и у нас с Нонной родился сын Саша. К сожалению Саше ещё не было года, а Нонна - москвичка и не хотела уезжать в неизвестность. Преддипломную практику я проходил в ГИНе на Камчатке. У меня и обо мне там сложилось хорошее впечатление. Мне дали понять, что без блата нечего и думать, чтобы устроиться на работу в ГИН. В конце концов, к сожалению, слишком поздно, я обратился в Аэрогеологию, где я проходил 1-ю производственную практику, мне прислали персональный вызов. Но было поздно - распределение уже прошло. Алексей Цюрупа, работавший в то время в Аэрогеологии, говорил мне, что он ещё года два видел меня числящимся в списках работников Аэрогеологии. Меня распределили в Мингео РСФСР, оттуда направили в Централизованную поисково-ревизионную экспедицию и я был зачислен в партию №7 младшим геологом. Так я попал на шахту Юлия в Хакасии. Летом мы проводили обычные поисково- геологические работы в окрестностях шахты, а зимой камералили в Москве. Я не был удовлетворён работой там. Особенно мне не понравился начальник партии Сасс, имени я не помню. Я быстро определил его низкую квалификацию, особенно по сравнению с руководителями 1-й производственной и преддипломной практик. Он слабо ориентировался на местности, а я в этом отношении получил хорошую практику от Виктора Ефимовича Гендлера в Казахстане на 1-й Производственной практике. Я научился видеть рельеф стереоскопически по двум снимкам без стереоскопа, с точностью до укола на аэрофотоснимке. У меня возник спор с Сассом по поводу местоположения одного места. Оттуда меня должны были забирать машиной в конце моего маршрута. Тем не менее, работа моя шла нормально, но я искал возможность сменить работу подальше от Москвы.

Когда я узнал, что Совет по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР организует комплексную экспедицию на Камчатку, то решил попробовать устроиться в экспедицию, хотя я и не отработал положенные 3 года по распределению. Узнал, что руководителем экспедиции является Б.И. Пийп. Поехал на прием к Борису Ивановичу в СОПС. Преддипломную практику я проходил на Камчатке и мечтал вернуться на Камчатку. Борис Иванович мне сказал, что геологов нанимает В.В. Меннер, который преподавал у нас во МГРИ. Он знал меня не только по институту, но и по практике. Он руководил работами, проводимыми ГИН на Камчатке, в том числе и работами Михаила Абрамовича Пергамента, в отряде которого я проходил практику. Я поехал в ГИН к Владимиру Васильевичу и от него уехал окрылённый. По характеру разговора с Владимиром Васильевичем я не сомневался в том, что меня примут и уже видел себя на Камчатке. Когда я не увидел в СОПСе себя в списке зачисленных, то огорчился и снова поехал к Меннеру. На мой вопрос он ответил: «Батенька мой, вы пришли, всё расспросили и, ничего не сказав, ушли. Что я должен делать?». Тогда я попросил, чтобы меня зачислили. Для этого СОПСу пришлось отправить запрос в МинГео РСФСР о переводе меня в СОПС АН СССР. В мае 1959 г. я был зачислен в Камчатскую комплексную экспедицию младшим научным сотрудником с окладом 1200 р. Я сразу почувствовал себя богачом. До этого как младший геолог я получал 715 р. и мы не могли сходить

даже в кино. Нонна ещё училась в институте, где стипендия была мизерной. Она довольно легко согласилась ехать на Камчатку, в чём я и не сомневался.

На Камчатку я летел через Сахалин от ГИНа. Там предстояла работа по стратиграфии верхнего мела. Верхним мелом занимался М. А. Пергамент, у которого я проходил преддипломную практику и он взял меня для помощи в состав отряда от ГИНа с согласия Меннера уже как сотрудника ККЭ. Дорогу оплатил М.А. Пергамент из сметы своего отряда.

Некоторые впечатления от авиации. Несмотря на то, что по сравнению с 1957 г. в авиации произошел большой прогресс, попасть в отдаленные районы Камчатки в 1957 г. было даже проще, чем сейчас. На преддипломную практику наш отряд добирался хоть и на перекладных, но довольно быстро. В то время впервые начал ходить ТУ-104 по маршруту Москва – Иркутск. На этот рейс М.А. Пергамент взял билеты для всего нашего отряда. Из Иркутска до Хабаровска мы летели на ИЛ-14, а до Петропавловска-Камчатского - на ИЛ-12. Правда, в Николаевске на Амуре пришлось заночевать. Мы поужинали в столовой, в меню которой было необычное блюдо «Свиная отбивная из конины». Кстати, в ресторане Южно-Сахалинска в меню было «Харчо из горбуши».

На Камчатке светило солнце, было даже жарко. Далее до Каменского – районного центра Пенжинского района на севере Камчатской области мы летели на ЛИ-2 безо всяких проблем. Аэродром был на косе р. Пенжины. А сейчас проблема попасть не только в Пенжинский р-н, но и в другие отдаленные районы Камчатки. В Южно-Сахалинск полет был не сложнее, чем на Камчатку.

Но вернёмся на Сахалин, где мы работали около месяца. От Сахалина у меня осталось странное впечатление. Сравнительно хорошие дороги подходят к бетонным сваям для мостов, но мостов нет, а есть брод через реку или ручей. Сваи остались от японцев. Меня ещё поразил «гигантизм» растений. Заросли как в джунглях. Правда, я в джунглях никогда не был, а про заросли только читал. Например, лопухи были в поперечнике больше метра. От дождя можно было укрыться одним лопухом, как зонтом.

Работа на Сахалине была вполне успешной. Мы собрали хорошую коллекцию верхнемеловых иноцерамов. Я выполнял роль квалифицированного коллектора (в геологии коллекторы не имеют ничего общего с банковскими «коллекторами», которые только позорят слово.)

Оттуда я прилетел на Камчатку. Сначала жил на базе ГИН в Елизово, вернее в пос. Краснореченск, на 25-ом километре. Уже потом Краснореченск вошел в состав Елизово. Через несколько дней на теплоходе из Владивостока прибыла основная группа экспедиции. Экспедиция действительно была комплексной. Кроме геологов были географы, биологи, лесоводы, гельминтологи (я тогда и не знал, чем они занимаются), почвоведы и др. А затем мы разъехались по полевым работам. Я не успел познакомиться со всеми. А остальные познакомились за долгую дорогу сначала на поезде, а затем на теплоходе. Большую часть экспедиции составляли выпускники ведущих ВУЗов. В экспедицию преподаватели отбирали лучших выпускников. Большинство геологов было из МГРИ, МНИ (нефтяного ин-та), географы - из МГУ, большинство других специальностей - тоже из МГУ и соответствующих специализированных ВУЗов. Всех их зачислили на должности старших научно-технических сотрудников. Как правило, они входили в отряды, которыми руководили их же преподаватели.

Осенью мы разъехались обрабатывать полевые материалы, собранные под руководством своих руководителей из тех же институтов, из которых мы были рекомендованы в экспедицию. Я считаю, что это была правильная разумная политика Б.И. Пийпа, обеспечивающая высокий

уровень научных исследований. Я отправился обрабатывать полевые материалы в Москву, в ГИН. Моим руководителем был Владимир Васильевич Меннер. Я весьма ему благодарен. Он действительно крупный Учёный с большой буквы. Я многому у него научился.

На следующий год прибила вторая группа, в основном, геофизики из Ленинградского горного института. Она была уже в составе КГГО СО АН СССР (Камчатской геолого-геофизической обсерватории) и тоже под руководством Б.И. Пийпа. Это было время реорганизации научных учреждений и перевода их из Москвы на периферию. Управлять двумя такими большими подразделениями да ещё относящимся к разным ведомствам было очень сложно. Было решено всех геологов, географов и геофизиков объединить в одну геолого-геофизическую обсерваторию в составе Сибирского отделения АН СССР, а все другие специальности сократить или преобразовать.

В ККЭ тоже прибывали поодиночке. В мой отряд направили Юру Костина из МГРИ и Николая Храмова из МНИ, когда отряд уже давно работал в поле. Они прибыли в разгар зверства мошки. К этому времени комары уже сошли, и мы, получившие закалку от комаров, сравнительно легко переносили зверства мошки, которые просто выгрызали шкуру. Из первого маршрута Юра возвратился с кровавыми серьгами величиной с хорошую вишню на ушах, а у Николая были кровавые кольца на руках и ногах в местах их соприкосновения со штормовкой. На следующий день пришлось им отменить маршруты. В дальнейшем они приспособились к укусам мошки.

Борис Иванович Пийп имел большой вес в области и поспособствовал тому, чтобы все были хорошо трудоустроены. Так была организована Опытная сельскохозяйственная станция, существующая и поныне. Своё место нашли и другие молодые специалисты. Я только не знаю, куда делись гильментологи.

Из геологов, географов и геофизиков организовали Камчатскую геолого-геофизическую обсерваторию. Так, с января 1961 г. мы стали сотрудниками КГГО Сибирского отделения АН СССР. Отношение к нам со стороны областных властей было хорошее. Было выделено помещение для работы. Мы разместились в одном из корпусов Областной больницы. Для жилья дали 4 квартиры в новом 5-ти этажном доме по адресу ул. Океанская, 62. Так как у нас с Нонной был сын Саша – единственный в то время ребёнок в Обсерватории, мы получили комнату в одной из квартир. Остальные сотрудники тоже получили жильё. Правда, в некоторых комнатах жили и по несколько человек. Жили дружно. Мы в шутку делились на друзей и врагов. Для нас геологов и географов из ККЭ врагами были геофизики, а для них мы – врагами. Проводили разные соревнования: по футболу на снегу и на Халактырском пляже, на лыжах, в шахматы, по пинг-понгу даже выходили на городские соревнования. В общем, жизнь была весёлая, не унывали.

Затем специально для КГГО построили 5-ти этажный дом на улице Тельмана, 26. В этом доме нам выделили 2-х комнатную квартиру. Ещё построили несколько (12 или 14) коттеджей. В них поселились, в основном, молодые сотрудники, хотя все мы были молодыми и без претензий.

Борис Иванович проявлял отеческую заботу о своих сотрудниках. Могу судить по себе - он помог Нонне устроиться на работу, устроить Сашу в детский сад. Сашу мы сначала водили к одной бабке, а когда Нонна увидела, что Саша ест одновременно вместе с собакой из одной миски, пришлось за помощью обратиться к Борису Ивановичу. Когда Нонна окончила 2-й институт по библиотечной специальности, Борис Иванович принял её на работу в КГГО для организации библиотеки.

Работали мы все дружно, помогали друг другу. Иногда беззлобно подшучивали. Но не все. Даже пришлось столкнуться с оголтелым украинским национализмом. И это в 1962 году! Среди нас был жуткий украинский националист Стас Федоренко. Надо сказать, он был неплохим специалистом, окончил МГУ. Он хвалил всё украинское, а российское всё хаял. «Эта нищая Россия, Украина вас кормит. Всюду грязь.» (справедливо). «На Украине даже мазанки чистые, белые». Мы его подзуживали, а он кипятился. «Зачем ты приехал в Россию на учёбу? Учился бы в своём Киеве или Львове». Однажды, когда он совсем разошелся, я ему говорю: «Стас, ну что ты так кипятишься. Все мы перемешаны. Я Авдейко, можно сказать, тоже хохол. И фамилия у меня подходящая». Стас зло в ответ: «Какой ты хохол, ты выплевок украинского народа». Позже я стал анализировать эту ситуацию и пришел к выводу, что уже тогда, а это был 1962 год, на Украине проводилась антироссийская пропаганда на самом высоком уровне. Ну, это так, неприятный эпизод. А так от того периода у меня остались самые светлые воспоминания.

В январе 1962 г. стало известно, что Сибирское отделение планирует создать на базе КГГО и Лаборатории вулканологии, которую в это время тоже передали в Сибирское отделение, Институт вулканологии в Петропавловске-Камчатском (Постановление Президиума Сибирского отделения АН СССР № 3 от 29 января 1962 г.). Одновременно стало известно, что Лаборатория вулканологии, которая была в Москве в составе ИГЕМа (Институт Геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии), в которой работали все известные в СССР вулканологи, хочет избавиться от других специалистов из КГГО и организовать узкоспециальный институт. Это нас сильно встревожило, тем более что в КГГО прислали молодых специалистов уже для подготовки вулканологов. В Лаборатории вулканологии последовательным проводником этой мысли был к.г.-м.н. Георгий Степанович Горшков, а среди вновь прибывших молодых будущих вулканологов эту мысль проводил Юра Дубик - «самый культурный вулканолог» по словам Горшкова.

Эта ситуация нам не понравилась. Многие из нас уже работали по другим направлениям, и мы не хотели быть сокращенными. Тем более я, т.к. у меня уже накопился большой материал по стратиграфии мела. Я фактически продолжал тему преддипломной работы и меня поддерживал Владимир Васильевич Меннер, впоследствии ставший академиком, чье мнение я очень ценил и ценю до сих пор. Должен сказать, что я занимал несколько особое положение в КГГО. Владимир Васильевич меня всегда оставлял старшим среди геологов КГГО, в то время, когда он был на своей основной работе в ГИНе. Он был заведующим Отделом стратиграфии. В то время все геологические работы должны были регистрироваться в Геологических управлениях. Камчатка относилась к Северо-Восточному геологическому управлению и В.В. Меннер брал меня в Магадан для регистрации наших работ. Я был в курсе всех геологических работ КГГО и чувствовал себя ответственным за судьбу не только себя, но и остальных сотрудников первого призыва. Споры были только среди молодых сотрудников.

Мероприятия по организации института шли своим чередом в Москве и Новосибирске. До нас доходили только слухи. Институт вулканологии был создан по распоряжению Совета министров СССР №8897-р, Президиума АН СССР №766 и бюро Президиума Сибирского отделения АН, в составе которого и был создан институт для изучения активных вулканов. Предусмотрено было и изучение подводных вулканов, и даже строительство судна для изучения подводных вулканов. На этом наши тревожения не кончились. Директором-организатором был назначен Б.И. Пиип, директор КГГО. Структуру Института предстояло определить на Учёном Совете. В составе Совета были все маститые учёные из Лаборатории вулканологии. Надо сказать, что в КГГО на волне хрущёвской оттепели была относительная свобода. У нас даже не было парткома. Видимо, потому, что среди нас не было членов КПСС. Из общественных организаций был только местком.

В состав Ученого совета был включен и я, как Председатель месткома. На заседании Учёного совета завязалась борьба. Георгий Степанович Горшков считал, что институт должен заниматься только активными вулканами. Большинство из нас в КГГО занимались другими вопросами геологии. Возникла угроза сокращения. Пришлось выступить мне как члену Ученого Совета. Конечно, я подготовился заранее. Я говорил, что изучать только активные вулканы без знания геологического строения, без знания геологической истории нельзя. Ведь в геологической истории есть и другие типы вулканов, особенно в начальный период геосинклинального развития. Г.С. Горшков выступил ещё раз, сказав, что это «нонсенс». Но думаю, что мои слова возымели действие.

Б.И. Пийп, по-видимому, решил, что пока останутся все сотрудники КГГО, это же его детище, а там видно будет.

В стенгазете появились шуточные стихи «Сами мы начальники, сами председатели, никого мы не боимся, могём Г.С. по матери». Гроза сокращения миновала. Меня после стрессовой ситуации для поправки здоровья отправили в санаторий Паратунка, а чтобы не скучно было, по одной путёвке отправили ещё 3-х человек: Тамару Кирсанову, Лену Серафимову и Галю Балесту. Мы по одной путёвке жили неделю вчетвером, купались в горячем бассейне, ходили на лыжах.

В состав Института были включены лаборатории активного вулканизма, наземного вулканизма, гидрогеологии и геотермии, прогноза и механизма извержений. Почти все сотрудники из Лаборатории вулканологии стали в последующем заведующими лабораториями. Софья Ивановна Набоко стала заместителем директора. А всех нас, не укладывающихся в эту структуру, выделили в Камчатскую комплексную экспедицию, и начальником экспедиции поставили Евгения Федотовича Малеева. Так мы пришли к первоначальному названию.

Б.И. Пийп был хорошим директором, никого не зажимал, давал спокойно работать. Его все ценили и в области. Он был членом Обкома. Его предложили переизбрать на новый срок. Мы все были молодые вольнодумцы-шестидесятники. Парткома не было или его не было видно. Мы не хотели нагружать его дополнительной работой. Он был нужен новому институту. В результате в Обком выдвинули его молодого заместителя В.В. Аверьева. Мы были не правы. А Б.И. Пийп обиделся. Правда, он ни на кого не держал зуб. К сожалению, он проработал недолго. Умер на посту. Делал доклад о гидротермальной энергетике и о своей поездке в Новую Зеландию, где она очень развита. Неожиданно он пошатнулся, обмяк и упал. Скорая приехала быстро, но он уже умер. На нас остался грех, что мы его не переизбрали.

Следующим директором по предложению ведущих сотрудников бывшей Лаборатории вулканологии стал Г.С. Горшков. Он не вспоминал о своей идее создания института только для исследования активных вулканов. Он мало времени отдавал институту, основное время проводил в командировках в Москву и заграничными командировками. Правда, его здоровье было не в порядке. После его смерти институт возглавил Константин Константинович Зеленов. Кроме того он возглавил лабораторию подводного вулканизма. К этому времени институт приобрел шхуну «Геолог», в основном, как транспортное средство. Он мечтал приобрести судно, типа «Каллисто», аналогичное судну Ж. Кусто.

Тем временем работа в институте продолжалась успешно по инерции, заложенной Б.И. Пийпом. В честь 10-летия института во времена Г.С. Горшкова институту был присвоен Орден Красного знамени. К.К. Зеленов проработал на директорском посту только около года и ушел по состоянию здоровья. В его бытность я стал работать в лаборатории подводного вулканизма. Некоторое

время в институте не было директора. А через какое-то время директором был назначен С.А. Федотов. Но это уже совсем другая история.

Я в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по стратиграфии нижнего мела Тихоокеанского кольца. Мне не хотелось уезжать с Камчатки, и я стал серьезно заниматься подводным вулканизмом, спилитами, характерными для начальных этапов вулканизма в геосинклинальный период. Для того чтобы набраться опыта морских исследований, в 1970 г. я участвовал в 48 рейсе «Витязя». Это был интересный рейс, было много заходов в Японию, Новую Зеландию, Гавайи, о-ва Тонга, Раротонга. После его окончания я был назначен, а затем избран заведующим Лабораторией подводного вулканизма. О проектировании и строительстве НИС «ВУЛКАНОЛОГ» я расскажу в следующий раз.

НИС «ВУЛКАНОЛОГ»

После образования в Институте вулканологии Камчатской Комплексной экспедиции я продолжил работы по стратиграфии нижнего мела севера Камчатки. Так как работой руководил Владимир Васильевич Меннер, то обрабатывал материалы я, в основном, в Москве, в ГИНе. Кстати он продолжал руководить всеми геологическими работами, начатыми еще в ККЭ СОПС АН СССР. К 1964 г. я собрал достаточное количество материалов и начал подумывать о защите кандидатской диссертации, которую и защитил на Учёном совете ГИНа в октябре 1965 г.

После защиты встал вопрос о следующей теме. Я не хотел уезжать с Камчатки. Стратиграфией в Институте вулканологии я не мог заниматься. На базе своих стратиграфических исследований я начал интересоваться ранними этапами развития геосинклиналей и вулканизма Камчатки. Тогда ещё не было неприятия термина «геосинклиналь». К моему счастью, на границе верхней юры и нижнего мела, а я занимался стратиграфией нижнего мела, на севере Камчатки были широко распространены вулканогенно-кремнистые формации. Так что мой переход к изучению вулканогенно-кремнистых формаций и спилитов, характерных вулканических пород раннего этапа развития геосинклиналей, был достаточно плавным и закономерным. Как и интерес к тектонике. Я заинтересовался гипотезой А. Вегенера о дрейфе материков. На базе этой гипотезы я разработал свою гипотезу развития геосинклиналей Камчатки. Естественно, я познакомил с ней В.В. Меннера. Он сказал, что в научном журнале её не опубликуют, но можно попробовать опубликовать её в научно-популярном журнале. Это было время «фиксизма» (геотектоническое направление, не признающее горизонтальные перемещения материков), но «мобилизм» на западе уже всюду завоёвывал позиции. В СССР только отдельные учёные стояли на мобилистских позициях. Я, конечно, в то время ещё не читал английскую литературу, но мне нравилась позиция Петра Николаевича Кропоткина, за литературой которого я следил, и слушал его доклады. Благо я часто бывал в Москве, а П.Н. Кропоткин работал в ГИНе. Правда, ГИН в 1970-х годах был оплотом «фиксизма». Я помню ироничные стихи в стенной печати: «Кропоткин двигал как тюки туда-сюда материки...»

Правда, я не отказался от попыток опубликовать мою гипотезу. Сначала я доложил её на совещании по вулканизму Средней Сибири в Новокузнецке, затем она была опубликована отдельной главой в коллективной монографии «Вулканогенно-кремнистые формации Камчатки». Э.Н.Эрлих помог опубликовать её в 3-м номере нового журнала «Pacific Geology» в Японии. Когда в 1974 г. я был на конференции в Японии, меня принимали, как крупного ученого, и только директору Института вулканологии С.А. Федотову и мне дали отдельные номера в гостинице.

В 1970 году, когда директором Института вулканологии был назначен Константин Константинович Зеленов, я уже серьёзно занимался условиями образования спилитов, опубликовал по спилитам несколько статей и думал, что это будет темой моей докторской диссертации. К.К. Зеленов также стал заведующим лабораторией подводного вулканизма. В эту лабораторию перешел и я. Для того, чтобы познакомиться с морскими работами, меня в 1970 г. направили для участия в 48-м рейсе научно-исследовательского судна «Витязь». Рейс был интересным во всех отношениях. Особенно с точки зрения познания мира. Были заходы на о-ва Тонга, Раратонга, в Новую Зеландию, в Гонолулу на Гавайских о-вах и в Японию. Начальником рейса был Пантелеймон Леонидович Безруков. Я близко познакомился с заместителем начальника рейса Иваром Мурдмаа. Со многими участниками рейса я поддерживал тёплые дружеские отношения, а с Иваром поддерживаю и сейчас.

В то время только-только в практику морских геофизических работ начинало внедряться сейсмопрофилирование, позволяющее видеть разрез осадков под дном. Метод сродни эхолотному промеру, но только в качестве источника сигнала используется инфразвук (пневмопушка) или электрический разряд. Я подумал, что и нам в будущем не мешало внедрить этот метод, правда, такой аппаратуры в СССР не было. На «Витязе» налаживали только самоделку. Я познакомился с аппаратурой и методикой других работ. Кроме того, я понял, что работа на «Витязе» строилась непродуктивно. Из 60 научных работников на судне могли одновременно работать не более 6-10 чел. только одним методом, а остальные ждали своей очереди. А на нашем судне, которое предполагалось строить, не могло быть столько мест для научного состава, а необходимых методов для изучения подводных вулканов много. Но тогда я ещё только знакомился с методикой и аппаратурой.

После возвращения из рейса я был назначен, а затем утверждён на Учёном Совете заведующим лабораторией подводного вулканизма. К этому времени я вплотную занимался спилитами – породами, характерными для подводных комплексов древних систем. Я думал заниматься ими и дальше. Меня заинтересовали условия их образования. Я собирал материалы для докторской диссертации. Но не тут-то было. Пришлось вместе с ОМЭРом (Отдел морских экспедиционных работ АН СССР) заниматься проектированием и строительством научно-исследовательского судна «Вулканолог». Сначала вместе с инженерами ОМЭРа мы выбирали корпус будущего судна. Остановились на СРТ проекта 914. Рабочий проект делали на КБ «Ленинская кузница» в Киеве. Начались мои многочисленные командировки. К Москве добавился Киев. Моей задачей был выбор помещений лаборатории и их оборудование. При лаборатории подводного вулканизма была создана инженерная группа для разработки и обслуживания аппаратуры. В первую очередь нужно было позаботиться о сейсмопрофилировании. Стационарной аппаратуры не было, а о покупке её за рубежом не могло быть и речи из-за дороговизны. «Хватит вам, что строим судно, даже в Институте океанологии нет сейсмопрофилографа» сказали мне в ОМЭРе. Мы решили строить самоделку. На разработку сейсмопрофилографа я пригласил на работу Николая Селивёрстова из МГУ, только что закончившего университет. В МГУ, на кафедре сейсмологии занимались разработкой такой аппаратуры. Н.И. Селиверстов сразу включился в работу. Для источника упругих колебаний Николай предложил электрический разряд, с каким работали в МГУ. На аппаратурную разработку пригласили Юрия Чернова. Затем над аппаратурой трудились другие члены инженерной группы, в которую входили Валерий Баснак, Владимир Дубровский, Евгений Попов и др. Другим методом, необходимым для морских исследований подводных вулканов, как я установил, является гидромагнитная съёмка. Ценным является то, что и сейсмопрофилирование и гидромагнитную съёмку можно проводить на ходу судна между полигонами исследований и на самих полигонах. Магнитометр и пьезосейсмографная коса буксируются судном на кабелях, причём магнитометр на расстоянии, превышающем две длины корпуса судна, чтобы исключить влияние магнитной составляющей стального корпуса. Для магнитной съёмки в лабораторию подводного вулканизма перешёл Анатолий Павлович Горшков и по распределению из МГРИ по вызову пришёл Владимир Рашидов. Я подумывал и о гравиметрических исследованиях. Но, к сожалению, пришлось отказаться от гравиметрических работ из-за малых размеров судна и невозможности установить на судне стабилизирующую платформу.

Я понимал, что моих знаний, особенно по геофизике, при проектировании и строительства судна может быть недостаточно. Для того чтобы подготовить будущих участников работ на судне, и для проектирования я договорился об участии 2-х наших сотрудников в рейсе НИС «Витязь». Для знакомства с морскими геологическими работами был направлен Георгий Пономарев, а с

геофизическими работами - Александр Таракановский. После возвращения из рейса Г. Пономарёв активно включился в работу, а А. Таракановский ограничился только участием в рейсе и я его не включил в состав лаборатории. В то время директором института был С.А. Федотов, и он не ограничивал меня в выборе сотрудников для проектирования судна и морских работ. У меня был почти карт-бланш.

В командировках в Москву с нач. ОМЭРа И.Д. Папаниным и с П.П. Волокитиным решались только общие вопросы проектирования, а всё рабочее проектирование осуществлялось в КБ «Ленинская кузница» в Киеве. В конечном итоге на верхней палубе судна были размещены геофизическая лаборатория с регистраторами сейсмопрофилирования, гидромагнитной съёмки и компьютер АСВТМ- 6000 для автоматической системы регистрации и обработки информации. На нижней палубе были размещены геологическая и гидрохимическая лаборатории, бокс первичной обработки материала и шлифовальная мастерская с камнерезным станком. В корме судна на верхней палубе были установлены лебёдки для драгирования, для спуска и подъёма грунтовых трубок, батометров и других приборов, а также приспособления для заборных работ. Агрегат для электрических разрядов был размещен в трюме. Для улавливания шумов активизации подводных вулканов в носовой части судна предполагалась шумопеленгаторная станция, которую за ненадобностью пришлось демонтировать из-за низкой продуктивности и из необходимости держать на судне охрану.

Из геологических работ было предусмотрено драгирование коренных пород, подъём осадков дночерпателями и грунтовыми трубками. Подъём воды для газогидрохимического анализа был предусмотрен батометрами.

После завершения рабочего проектирования началось строительство судна на стапелях Хабаровского судостроительного завода им А.М. Горького. Для наблюдения за строительством и размещения приборов и оборудования от лаборатории была направлена на завод группа наблюдения, в которую попеременно входили Владимир Сологуб, Валера Баснак, Аида Александровна Палуева, Николай Селиверстов, Евгений Попов, который нашел жену в Хабаровске, и др. Я тоже иногда наезжал в Хабаровск. Ребята там для жилья арендовали помещение. На заводе изготовили зубчатую драгу по моему эскизу. В лабораториях установили компьютер и пришедшие к тому времени приборы. Изготовили и установили заборное оборудование и приспособления. Приведу некоторые характеристики судна: водоизмещение 1136 т, экипаж 40 чел, научный состав 12 чел. На практике оказалось меньше за счет обязательного на советских судах 1-го помощника (политрука).

Наконец, 26 апреля 1976 г. судно было спущено в воды р. Амур и на судне был поднят флаг СССР. С самого начала проектирования судно получило название «Вулканолог».

В Петропавловск «Вулканолог» пришел 30 декабря 1976 года, а в 1-ый пробный рейс ушел 15 февраля 1977 года. В процессе этого первого рейса было модернизировано сейсмопрофилирование. В последующих рейсах был также заменён магнитометр - на более совершенный, протонный, собственной разработки. Была установлена станция непрерывного газогидрохимического профилирования, тоже собственной разработки. В результате получилось специализированное судно для изучения подводных вулканов, на котором можно было вести работы круглые сутки, и на переходах, и на станциях.

1-й пробный рейс «Вулканолога» проходил с 15 февраля по 30 апреля 1977 года в западной части Тихого океана с заходом в Сингапур. В Японию нас не пустили, так как посчитали,

что мы ждём начала подводного извержения вблизи японских островов, чтобы водрузить на новом острове флаг СССР и объявить его своей территорией.

Так начались регулярные рейсы «Вулканолога». Зимой - заграничные, летом - вблизи Камчатки и Курил. В Японию нас никогда не пускали. Когда я в том же году возвращался из рейса «Гломара Челленджера» через Токио я спросил в нашем посольстве: «Мы что-нибудь нарушили?». Посол сказал, что если бы нарушили, то нас бы здесь не было.

Всего был проведен 41 рейс НИС «Вулканолог». Последний рейс должен был быть совместным с учеными США на Гавайи. План рейса был утвержден. В рейсе должны были участвовать 4 профессора и доктора наук из Геологической службы США, Гавайской и Аляскинской вулканологических обсерваторий со сменой их в Гонолулу. Я со всеми участниками договорился по переписке. Но началась перестройка, и всё сорвалось.